

КАРА ПОЛАНЬИ
ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Карл Полаanyi

Избранные работы

«Территория будущего»

Поланьи К.

Избранные работы / К. Поланьи — «Территория будущего»,

В настоящем издании представлены избранные публицистические и научные работы основателя экономической антропологии Карла Поланьи (1886–1964). Развивая идеи, первоначально изложенные в «Великой трансформации», автор показывает, что современный рынок представляет собой результат сложного исторического развития и зависит от множества различных политических, культурных и идеологических условий. В своих статьях он рассматривает экономику как институционализированный процесс взаимодействия между человеком и окружающей его средой и выделяет основные механизмы социальной интеграции, без которых невозможно существование общества.

Содержание

Наталья Розинская	5
О вере в экономический детерминизм[7]	14
Определение современной фазы нашей цивилизации	14
Иллюзия экономических мотивов	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Карл Поланьи

Избранные работы

Наталья Розинская

Карл Поланьи: в поисках свободы

Первая половина XX века была эпохой грандиозных политических потрясений: рушились империи, несколько раз перекраивалась карта Европы. Предшествовали этим событиям и сопровождали их не менее грандиозные социально-экономические изменения: промышленный переворот и становление индустриального общества. Естественно, эпоха перемен породила целую плеяду великих мыслителей, которые, во-первых, пытались понять суть происходящего и, во-вторых, будучи неудовлетворенными существующей системой, стремились предложить собственный вариант справедливого общественного устройства. Одним из таких мыслителей был Карл Поланьи.

Поланьи был современником таких событий, как русская и венгерская революции, Первая мировая война, Великая депрессия, приход к власти фашизма в Европе и Вторая мировая война. Он видел результаты Нового курса Рузвельта и первых пятилеток в России. При этом он не был пассивным наблюдателем. Иногда сознательно, иногда против своей воли он оказался вовлечен практически во все основные события начала XX века. Живя в самом центре Европы, он активно участвует в революционном движении, сражается на фронтах Первой мировой войны, на себе испытывает все ужасы контрреволюционного террора и фашизма, материальные последствия Великой депрессии. Анализируя этот переломный период, Поланьи пытается объяснить все эти события, найти их истоки и, главное, предусмотреть последствия.

Каким должно быть социально-экономическое устройство общества, состоящего из индивидов, свободных от рынка и государства, – проблема, которая остается главной во всех периодах его творчества. Работы Карла Поланьи – это калейдоскоп глубоких и интересных идей, концепций, теорий. Однако некоторая мозаичность порождает иногда ощущение противоречивости и дискретности его исследований. Для того чтобы преодолеть это ощущение, необходимо понять и определить, что Поланьи понимает под тем или иным термином, а также помнить о том, что многие его тезисы были вызваны желанием опровергнуть господствующие в тот период радикальные концепции. Причем радикализм он критиковал во всех его проявлениях: и леворадикальные коммунистические теории, и праворадикальный либерализм. Кроме того, следует учитывать, что исследования Карла Поланьи были реакцией на реальные исторические события, которые, собственно, и ставили перед ним вопросы, задавали ему тему исследований. И только тогда можно увидеть, что теория Поланьи достаточно целостна и непротиворечива. Идея свободы и естественным образом связанная с ней идея ответственности обычного, рядового индивида проходит неразрывной нитью через все его произведения.

В научной биографии Карла Поланьи можно выделить пять периодов, когда у него возникала необходимость менять как место жительства, так и весь образ жизни.

Карл Поланьи родился в еврейской семье в Вене в 1886 году. Он бы третьим ребенком в семье Михаила Подачек и Сесиль Воул. М. Подачек был успешным предпринимателем в области железнодорожного строительства. В конце 1880-х годов у него появляются интересные контракты в Венгрии, и он вместе со всей семьей переезжает в Будапешт, где и прошли детство и юность К. Поланьи.

Семья Подачек была достаточно состоятельной, она принадлежала к верхнему уровню среднего класса будапештского общества. Но, несмотря на достаток, отец был сторонником

спартанского воспитания своих пятерых детей. Только в возрасте 19 лет детям было позволено ходить в школу. До этого времени их образованием занимались домашние учителя в соответствии с самыми высокими стандартами, которые существовали тогда в Европе. Программа была очень насыщенной, и требования – очень жесткими. Большое внимание уделялось физическому развитию: физкультура, особенно у мальчиков, была важнейшим компонентом образовательной программы. Кроме образования М. Подачек дал своим детям мадьярскую фамилию и крестил их в протестантской вере.

Несмотря на строгость и требовательность отца, дети его обожали. М. Подачек, бесспорно, был именно тем человеком, который оказал наибольшее влияние на Карла Поланьи. Смерть отца в 1906 году была для всех детей большим ударом. Поланьи до конца своей жизни не мог примириться с этим. Каждый год в день годовщины смерти отца он писал об отце письма своим братьям и сестрам. И после смерти последней сестры Лауры в 1959 году он продолжал эту традицию в письмах к дочери Кари до своей смерти в 1964 году.

Еще один человек, который оказал значительное влияние на молодого Поланьи, был русский народник Семен Клячко. Семьи Подачек и Клячко были очень близки, часто вместе ездили отдыхать, много времени проводили друг с другом. Клячко в Будапеште не прекращал заниматься революционной деятельностью, поэтому в квартире Полачек часто появлялись русские борцы с царским режимом. Карл Поланьи достаточно рано оказывается в круговороте революционных споров и дискуссий об идеальном устройстве общества. Он очень уважал Клячко и восхищался русскими революционерами. По воспоминаниям жены Поланьи, он восторгался вообще всеми революционерами, и, что особенно интересно, первым революционером он считал Иисуса из Назарета. Поэтому неудивительно, что свою собственную революционную деятельность Поланьи начал в 1902 году, будучи гимназистом, когда ему было 16 лет. Он присоединился к социалистической студенческой организации, которую основали его старший брат Адольф и один из двоюродных братьев. В рамках деятельности этой организации Поланьи впервые обращается к работам Маркса и знакомится с социал-демократическим движением. Правда, к 1907 году он разочаровывается и в том и в другом и выходит из организации, хотя к Марксу в своей жизни Поланьи еще неоднократно будет возвращаться.

Социал-демократические идеи того времени, предполагающие диктатуру пролетариата, оказались несовместимыми с его представлениями о свободе. Что же К. Поланьи понимал под свободой?

Первоначально для него это была духовная, интеллектуальная свобода, раскрепощение ума, свобода, предполагающая определенный уровень образованности. Образование, с его точки зрения, ведет к повышению уровня сознательности и, главное, ответственности: прежде всего за себя, а затем – за общество в целом. Пытаясь воплотить эти идеи в жизнь, Поланьи активно участвует в образовательных программах для рабочего класса.

В 1908 году группа студентов, поддерживающих одного из прогрессивных профессоров Будапештского университета, организовала кружок Галилея. Карл Поланьи становится его первым президентом. Главной задачей кружка было объявлено повышение социальной сознательности общества посредством повышения уровня образования. За годы функционирования этого кружка десятки тысяч безграмотных рабочих научились читать и писать. Уже в первый год кружок насчитывал более двух тысяч членов. Стоит отметить, что члены этого кружка не призывали к смене социально-экономического строя. Они, скорее, стремились к увеличению степени интеллектуальной и духовной свободы индивидов, к раскрепощению умов, что должно было бы, с их точки зрения, привести к увеличению сознательности и социальной ответственности людей и, следовательно, увеличению демократии.

Здесь, несомненно, сказывается влияние идей представителей австромарксизма (Бауэр, Реннер, Фридрих и Макс Адлеры), которые отвергли революционный опыт большевиков и рассматривали социальную революцию как длительную цепь социально-политических и эконо-

номических реформ, где культурная революция играет ключевую роль. Правда, впоследствии Поланьи оценивал эти идеи как идеалистические и популистские, однако поднятая тогда тема свободы и ответственности как основы демократического общества стала лейтмотивом всей его дальнейшей работы.

Первый наиболее спокойный и беззаботный период жизни Поланьи резко обрывается в 1906 году, когда внезапно умирает его отец. Смерть отца привела к тому, что семья практически распалась. Незадолго до смерти финансовые дела М. Полачека резко ухудшились, и семья оказалась банкротом. Старшие дети, в том числе и Карл Поланьи, стали намного больше работать, чтобы помогать остальным родственникам. В 1912 году Поланьи был вынужден идти на службу в юридическую контору своего дяди. Деятельность адвоката настолько не нравилась Поланьи, что призыв на военную службу в 1915 году оказался для него облегчением, так как освобождал от ненавистной работы. В 1917 году он был признан негодным к военной службе по состоянию здоровья и был отправлен в военный госпиталь.

В октябре 1918 года в результате революции «осенней розы» была свергнута Венгерская монархия. В марте 1919 года Венгрия провозглашается Советской Республикой, и новая власть ставит задачу мирного перехода к пролетарской революции и установлению диктатуры пролетариата. Поланьи в своих статьях резко выступает против установления диктатуры пролетариата, а также предупреждает об опасности, к которой ведет радикализация общества. Советы в Венгрии продержались у власти недолго. Уже в апреле 1919 года началась вооруженная интервенция Антанты, в августе к власти приходит буржуазное правительство, а в ноябре в Будапешт на белом коне въезжает адмирал М. Хорти, и репрессии революционеров против мадьярской аристократии сменяются репрессиями против коммунистов и социалистов. Поланьи покидает Венгрию в середине бурного 1919 года. Эмиграция в Вену в 1919 году, связанная с приходом в Венгрии к власти коммунистов, отделяет второй этап от третьего.

В Австрии события в этот период развивались менее драматично. Ведущие австрийские партии сумели перевести революционный процесс в русло конструктивных правовых преобразований. Им удалось обеспечить полную преемственность власти при коренном изменении государственного строя. Поланьи прибыл в Вену, когда там уже прошли первые прямые всеобщие выборы в Учредительное собрание, решением которого было сформировано временное правительство под руководством социал-демократа Карла Реннера. Относительная стабильность позволяет Поланьи физически и морально восстановиться после перенесенной им в этот период тяжелой и длительной болезни. Среди венгерских беженцев в Австрии Поланьи встречает Илону Dycuznska, которая сыграла важную роль в возвращении его к жизни и которая в 1923 году становится его женой.

В этот период Карл Поланьи перечитывает Маркса, активно изучает работы таких экономистов, как Менгер, Визер, Бем-Баверк, Шумпетер, Кларк и других. В 1922 он вызывает Людвиг фон Мизеса, тогда профессора экономики Венского университета, на дебаты о возможности существования социалистической экономики. Дискуссия состоялась на страницах популярных австрийских журналов, и в ней приняли участие не только Поланьи и Мизес, но и другие экономисты. Наиболее полно представления Карла Поланьи о социализме изложены в написанной в тот период и так и оставшейся неопубликованной работе Behemoth. Концепция Поланьи, несомненно, демонстрирует его приверженность идеям социализма, но не государственного, а корпоративного. Он предлагал разделить все материальные потребности на три группы благ: блага, необходимые для персонального потребления (еда, одежда, домашняя утварь, дома и др.), затем блага, необходимые для городского потребления (улицы, строения, автобусы, парки и т. д.), и третья группа – блага, необходимые для существования всего общества (самолеты, радиовещание, почта и др.). Первые две группы товаров должны были производиться локальными и региональными компаниями, и только третья группа товаров – крупными компаниями национального или интернационального уровня. Такое устройство

экономики позволило бы, по мнению Поланьи, в индустриальном обществе вновь встроить экономику в общество, что способствовало бы укреплению связей между членами общества на основе кооперации и солидарности.

С 1924 по 1933 год Карл Поланьи был одним из редакторов *Osterreichische Volkswirt* и писал туда статьи по международным проблемам. Он также печатал материалы по политическим и экономическим вопросам и в других изданиях.

В этот период, в конце 1920-х годов, представления Поланьи о том, что такое свобода, расширяются: духовная свобода, считает он, возможна только в том случае, если индивид свободен как от государства, так и от рыночной стихии. Излагая свое представление о социализме, Поланьи выступает с жесткой критикой как общества, основанного на системе саморегулирующихся рынков, так и общества, основанного на централизованной социалистической экономике советского образца. И ту и другую форму он рассматривает как варианты, неспособные обеспечить свободу обычному человеку. В первом случае человек жестко подчинен рынку, во втором – государству. Поланьи предлагает свой вариант корпоративного социализма, основой которого является транспарентность общества на всех уровнях, персональные и никем не опосредованные социальные отношения и максимальное привлечение обычных людей к организации и управлению обществом, которые несут персональную ответственность за реализацию своей свободы. Данная теория вобрала в себя идеи из самых разных источников, прежде всего это концепция Маркса об отчуждении труда, идеи уже упомянутых австромарксистов, а также концепции австрийского социального католицизма, которые утверждали надклассовые цели общественного развития, преодоления как марксизма, так и классического либерализма. Австрийские католики выступали за общество, основанное на сословно-корпоративном принципе и принципе субсидиарности, который подразумевал сохранение индивидуальной ответственности человека за свое будущее при его праве рассчитывать на поддержку общества. Последний тезис был особенно близок идеям Поланьи. При этом, будучи человеком реалистичным, Поланьи осознавал отсутствие возможности реализовать эти идеи на практике, но особенно он был разочарован, когда увидел, как идеи корпоративного социализма трансформируются в теоретическую основу для социально-экономического устройства фашистских режимов.

Стоит отметить, что еще в самом начале 1920-х годов, вскоре после Первой мировой войны и заключения мира, Поланьи говорил о том, что те испытания, которые выпали на долю народов Европы за последнее десятилетие, еще далеки от завершения. Поланьи очень высоко оценил работу Дж. М. Кейнса «Экономические последствия Версальского договора», так как увидел в ней подтверждение своим мыслям о мрачном будущем европейских стран. Фашизм Поланьи рассматривал как самое большое зло текущей эпохи. В 1930 году он публикует статью «Сущность фашизма», где показывает, что рыночная экономика с ее дегуманизацией общества, разрушением традиционных ценностей, нестабильностью и страхом перед будущим является причиной, основой и источником фашизма, который он рассматривает как противоположность и социализму, и христианскому обществу. Именно в этой статье Поланьи показывает, почему саморегулирующийся рынок и свобода несовместимы. Он приводит следующие рассуждения: саморегулирующийся рынок, основанный на жесткой конкуренции, порождает анархию и нестабильность, социальную незащищенность и страх перед будущим, отсюда готовность общества заплатить любую цену за стабильность и безопасность. И этой ценой оказывается диктатура, часто в форме фашизма.

Начало Великой депрессии совпало в Австрии с приходом к власти лидера австрофашистов Э.Дольфуса. В начале 1930-х он ведет политику по ужесточению режима и в 1933 году объявляет о «самороспуске парламента», запрете публичных собраний и демонстраций, введении цензуры. Поланьи вновь был вынужден эмигрировать, на этот раз спасая себя и свою семью от фашистского террора. Они уезжают в Англию.

На протяжении 1930-х годов Поланьи видит, как фашизм усиливается и распространяется по Европе. При этом фашизм не затрагивает наиболее развитые страны – те, где общество успело создать институты, защищающие себя от рынка. Фашизм устанавливается в Венгрии, Болгарии, Испании, Италии, Португалии, Австрии, Германии, Румынии. Происходит нарастание праворадикальных тенденций в Литве при Ульманисе, Польше при Пилсудском, в Греции. Здесь перед ним встает вопрос: если источником фашизма является переход общества от традиционного, основанного на семейных, религиозных, корпоративных связях к рыночному, основанному на бездушном контракте, то почему развитие рыночных отношений не привело к фашизму Англию, Францию и Голландию? Ответ на этот вопрос он даст в 1944 году в работе «Великая трансформация».

С 1933 по 1947 год Поланьи живет в Англии. (Четвертый период его жизни.) В эти годы он активно изучает экономическую историю, особенно Англии, с 1937 года преподает в Королевском институте международных отношений и Лондонской ассоциации рабочего движения, позже – на заочных отделениях Оксфордского и Лондонского университетов, специализируясь по проблемам социально-экономической истории. Поланьи активно принимает участие в большом количестве семинаров и конференций, организованных левым крылом Христианского движения. В 1935 году Поланьи совершил тур по Соединенным Штатам по приглашению Нью-Йоркского института международных отношений, где на него большое впечатление произвели результаты рузвельтовского Нового курса. Все это помогает ему глубже осмыслить те события, свидетелем которых он являлся. В этот период он достаточно критически оценивал свои достижения: «...в мой центральноевропейский менталитет вошли – очень рано – русские элементы и – не слишком поздно – англосаксонские... Не только Гете учил меня терпению, но и Достоевский, и Джон Стюарт Милль... Я перестал интересоваться марксизмом начиная с 22 лет. Я попал под серьезное религиозное влияние в возрасте 32 лет... С 1909 по 1935 год я ничего не делал. Я старался изо всех сил трудиться в том направлении, которое вело в никуда...»¹

Столь критическое отношение к своей деятельности было связано прежде всего с тем, что К. Поланьи осознавал, что как политик он не состоялся, кроме того, он понимал слабость теории корпоративного социализма, которую он разрабатывал. Однако именно в этот период формируется его морально-этическая концепция, где человек стоит на первом плане. Эти идеи приводят К. Поланьи к необходимости поиска путей освобождения человека, к поиску «третьего пути». Именно желание найти варианты возможного развития человечества, отличные от капитализма и социализма советского образца, подводят его к необходимости изучения экономических дисциплин. И первым результатом этой работы была «Великая трансформация», опубликованная в 1944 году.

В этой работе К. Поланьи приходит к целому ряду парадоксальных с общепринятой точки зрения выводов. Главный из них состоит в том, что рыночная система, вопреки сложившемуся мнению, не является продуктом естественного развития, а *целенаправленно была создана государством*. В качестве доказательства он приводит следующие историко-экономические аргументы.

Рынки традиционного общества не были способны на спонтанное расширение. Поланьи выделяет два вида рынков доиндустриальной эпохи. Во-первых, локальные, где торговали предметами первой необходимости, цены на которые регламентировались, следовательно, эти рынки не были свободными и конкурентными. Во-вторых, рынки дальней торговли, где торговали предметами роскоши; эти рынки, в отличие от первых, были конкурентными. Но ни локальные рынки, ни рынки дальней торговли не способны были превратиться в национальный внутренний рынок. Это расширение сдерживали социальные институты, которые выполняли охранительные функции – защищали существующий в данном обществе социально-экономи-

¹ The Legacy of Karl Polanyi. Quebec 1991. P. 265.

ческий порядок. Если данные институты не справлялись, то есть рыночные отношения начинали распространяться на землю и труд, то общество погибало как социально-экономическая система (или его завоевывали, что было равнозначно гибели). Классический пример – система древнегреческого полиса, который пал жертвой не столько завоеваний Александра Македонского, сколько экономического подъема и расширения рыночных отношений.

Для того чтобы рынки дальней торговли и локальный трансформировались в национальный рынок, то есть конкурентный саморегулирующийся рынок самых различных благ, включая предметы первой необходимости, услуги и факторы производства, должны были быть выполнены три условия: коммерциализация общества, появление сложных машин и наличие сильной центральной власти, которая смогла бы создать рынки факторов производства, без которых было бы невозможно широко применять и обеспечить бесперебойное функционирование сложных и дорогих машин.

На примере Англии Поланьи показывает, как эти теоретические положения реализовывались на практике. И здесь он обращает наше внимание на длительность периода, в течение которого шел процесс коммерциализации и создания рыночной системы в Англии. Это подводит автора «Великой трансформации» к очень, на наш взгляд, важному выводу. Поланьи выводит следующую формулу, возможно, ее когда-нибудь назовут «теоремой Поланьи»: *оценить конечный результат изменений можно, только сопоставив темпы перемен с темпами адаптации к ним.* То есть в Англии к моменту, когда окончательно сложилась рыночная система, также существовали социальные и политические институты, позволяющие основной массе населения относительно безболезненно адаптироваться, встроиться в рыночную экономику и уже в рамках этой новой системы отстаивать свои права. Тем самым он дает ответ на вопрос, почему фашизм появился в одних странах и не появился в других.

Еще один достаточно необычный тезис, который отстаивает Поланьи, заключается в том, что, несмотря на то что процесс создания рыночной саморегулирующейся системы был достаточно долгим, сама эта система просуществовала всего 26 лет: с 1834 по 1870 год. К 1834 году в Англии *государством* были устранены практически все ограничения, препятствующие свободному функционированию рынков факторов производства. А к 1870 году контрдвижение (термин Поланьи), которое развивалось в рамках процесса адаптации общества к рынку уже привело к созданию новых институтов, ограничивающих саморегулирующуюся рыночную систему. Рынок труда был первым из рынков, где вновь вводилось регулирование. Здесь стоит обратить внимание, что Поланьи понимает под термином «саморегулирующаяся рыночная система». Это, с его точки зрения, система, которая предполагает наличие свободных саморегулирующихся рынков факторов производства, функционирующих без каких-либо ограничений: без профсоюзов, без системы социального страхования по старости, болезни, инвалидности, без системы охраны труда, без центральных банков с их денежно-кредитным регулированием, без каких-либо правил по охране окружающей среды, без ограничений на право купли-продажи земли и т. д. Система, соответствующая данному определению, существовала только в Англии и только в середине XIX века – и больше никогда и нигде.

Как только обществу удастся создать институты, способные заменить институты традиционного общества, где экономика встроена в социальную систему общества, в части ограничения или контроля над рынками факторов производства, рыночная система начинает трансформироваться в такую социально-экономическую систему, где экономика вновь встраивается в социальную структуру. Главная цель этого процесса – уменьшение нестабильности и восстановление гарантий в виде системы социального обеспечения, которые обеспечивались ранее в традиционном обществе родственными, религиозными или политическими институтами. Таким образом, достигается освобождение общества от власти рынка. Здесь хотелось бы отметить, что вышеприведенные высказывания отнюдь не являются призывом устранить рыночные отношения. Они являются призывом к обществу проявлять свою гражданскую ответствен-

ность в форме объединения в различные организации для контроля и ограничения рыночной системы, то есть создать контрдвижение для недопущения развития рыночной системы до своего логического конца и превращения абсолютно всех отношений в обществе в контрактные.

Главным условием успешной трансформации Поланьи называет увеличение прозрачности системы, что может быть обеспечено только контролем со стороны общества, контрдвижением, состоящего из достаточно грамотных, образованных и ответственных индивидов, то есть гражданского общества.

В 1947 году Карл Поланьи переезжает в Канаду. Это третья эмиграция в жизни Поланьи. Происходит это, когда Карлу Поланьи было уже 51 год, и впереди у него оставалась еще семнадцать лет напряженного и плодотворного труда. К этому времени уже сформировались основные теоретические положения его концепции. И далее он видит своей главной задачей максимально убедительно на историческом материале доказать эти теоретические положения, что приводит его к исследованиям социально-экономических систем доиндустриальных обществ. В процессе этих исследований в Колумбийском университете, где он тогда преподавал (живет он при этом в Канаде, так как американские власти по политическим причинам запретили его жене въезд в США), формируется школа Поланьи, или субстантивистская школа. На протяжении почти тридцати лет представители этой школы вели непрекращающиеся дебаты со сторонниками неолиберального направления по вопросам экономической жизни доиндустриальных обществ. Наиболее яркими сторонниками «школы Поланьи» можно назвать Дж. Дальтона и М. Саллинза.

Методологические основы своей концепции Поланьи излагает в статьях 1947 года «О вере в экономический детерминизм» и «Наше устаревшее рыночное мышление» (данная статья воспроизводит текст доклада, сделанного за год до этого на конгрессе, состоявшемся в Университете Ридинга), где он жестко критикует основные положения экономикс и намечает рамки альтернативного методологического подхода к исследованию экономических процессов. Он показывает, что традиционная теория мешает правильно понять современные экономические системы и что рыночное мышление – основное препятствие для реформирования не только капиталистических систем, но также экономических систем вне западного мира.

Этими статьями К. Поланьи вступил в уже шедшую в то время в американской печати дискуссию о применимости традиционной экономической теории к доиндустриальным обществам. Дискуссия велась между представителями экономикс (в частности, Ф. Найтом), которые считали возможным использование моделей экономикс в этих социально-экономических системах, и экономическими антропологами (например, Л. П. Мейром, М. Херсковичем), отрицавшими такую возможность. В процессе споров выявились два различных подхода к исследованию экономики: формалистский и субстантивистский. Значение этой дискуссии для Поланьи его дочь Кари, профессор экономики в Университете МакГилла, прокомментировала следующим образом: «Формалистско-субстантивистский спор, проводившийся К. Поланьи и его коллегами, утвердил его научную репутацию в области экономической антропологии и обеспечил ему академическую основу в «институциональном» лагере общественных наук США»².

Впервые о формальном и субстантивистском подходах к изучению экономики писал К. Менгер в работе «Основы политической экономии» в последнем ее варианте, который был опубликован в 1929 году. Именно в этом издании впервые говорится о том, что существуют два понимания экономики – формальное и субстантивистское, то есть с точки зрения поведения рационального индивида, максимизирующего полезность в условиях дефицита ресурсов, и с точки зрения общества, целью экономической деятельности которого является обеспечение себя средствами существования. Поланьи воспринял это деление, но, в отличие от последователей Менгера, настаивал на субстантивистском подходе в экономических исследованиях.

² Kari Polanyi-Levitt. Toward Alternatives: re-reading the Great Transformation // Review of the Month. Vol. 47. № 2. 1995. P. 3.

Таким образом, в 1940–1950 годах в области изучения некапиталистических экономических систем наряду с так называемым формалистским появляется и субстантивистский подход.

Представители формализма считали, что предметом экономической науки является исследование распределения ограниченных ресурсов рациональным человеком, максимизирующим свою выгоду. Субстантивисты утверждали, что не всегда и не везде существовал рациональный человек, следовательно, данное формалистами определение предмета экономической науки слишком узкое: оно ограничивается рамками капитализма свободной конкуренции. Поэтому представители субстантивизма предлагали более широкое определение, охватывающее все общественные системы: с их точки зрения, предметом экономической науки, то есть собственно экономикой, является процесс добывания средств существования.

Основным постулатом субстантивизма является рассмотрение экономики как «встроенного» института, который возможно анализировать лишь в контексте всей совокупности культурных традиций и общественных отношений данного общества. Определяющий характер экономика имеет, по их мнению, лишь при капитализме свободной конкуренции. В остальных же обществах она является определяемым и зависимым от норм, обычаев и других социальных отношений институтом.

Следовательно, с точки зрения субстантивистов существуют экономические законы, отличные от тех, которые работают в системе капитализма свободной конкуренции, то есть другие взаимосвязи и взаимозависимости между хозяйствующими субъектами и объектами хозяйствования. Таким образом, задачей экономистов-субстантивистов является выявление этих специфических закономерностей, а не попытки подогнать действительность некапиталистических (примитивных, архаических, а также посткапиталистических) обществ под систему законов, выявленных для капитализма свободной конкуренции.

Следующим важным этапом в создании новой парадигмы были такие статьи Поланьи, как «Экономика как институционально оформленный процесс» и «Место экономики в обществе», опубликованные в книге «Торговля и рынок в ранних империях» (1957), подготовленной совместно с американскими экономическими антропологами К. Аренсбергом и Г. Пирсоном. В данных работах были изложены основные тезисы, которые стали фундаментом для альтернативного подхода к анализу экономики различных обществ и на которые в дальнейших историко-экономических и экономико-антропологических исследованиях опирался Поланьи и его последователи.

Особенно это касается работ позднего Поланьи, в которых он в 1950–1960-е годы искал дополнительные аргументы в защиту своей теории об ограниченности рыночных механизмов в экономической истории человечества.

На конкретном историческом материале Поланьи пытается продемонстрировать истинность следующих утверждений: рыночные институты не развиваются сами по себе, естественным путем, а являются продуктом целенаправленной деятельности власти (государства или местной администрации); наличие сильной зависимости экономических институтов от социальных и политических; существование в истории трех форм интеграции общества – взаимность (реципрокность)³, перераспределение (редистрибуция)⁴ и рыночный обмен.

Среди положений, которые Поланьи отстаивает в своих работах, одним из наиболее важных является подчеркивание им различий между торговлей и рынком. По его мнению, первое понятие шире второго. Рынок – это механизм «невидимой руки», при котором решающую роль играет конкуренция, а цены отражают соотношение спроса и предложения. Торговля как

³ Под реципрокностью (взаимностью) К. Поланьи понимает взаимный обмен дарами, вытекающий из обязательств, существующих между родственниками и друзьями.

⁴ Под редистрибуцией (перераспределением) американский экономист понимает переход части продукции, произведенной в обществе, в распоряжение центра (главаря, вождя, деспота и т. д.), с последующим ее распределением либо среди нуждающихся членов общества, либо среди элиты, с использованием ее для различного рода общественных нужд и т. п.

обмен разнородными благами может быть организована не только на рыночных, но и на совсем иных принципах: либо взаимности, либо перераспределения. В частности, анализируя конкретно-историческую информацию о развитии торговли в доиндустриальных обществах, Поланьи стремился доказать, что в странах Востока она обычно находилась под административным регулированием государственных структур. С точки зрения Поланьи, когда правительственные чиновники не просто обеспечивают защиту контрактов, но регулируют цены, ассортимент и круг участников торговых операций, категорически нельзя говорить о рынке в собственном смысле этого слова. Одна из последних работ Поланьи была посвящена торговле в предколониальной Западной Африке, которая, по его мнению, как раз базировалась на нерыночных принципах.

В тот период, когда Карл Поланьи обратил внимание на качественное отличие торговли в традиционных обществах от современной торговли, компаративистское изучение рынков только начиналось. В современной литературе можно встретить оценку того времени как «каменного века исследований рынков»⁵. Некоторые исследователи склонны полагать, что Карл Поланьи серьезно заблуждался, недооценивая развитие рыночно-конкурентных отношений в докапиталистических обществах: «Поланьи плохо представлял себе, как была организована экономика Западной Африки в доколониальный период, и его основная идея – что свободный, ничем не контролируемый обмен на рынках свойственен только промышленным странам XIX и XX столетий – казалась абсурдной применительно к региону, где рядовые крестьяне привыкли покупать на рынках рабов за деньги не только в XIX веке, но и в значительно более ранние времена»⁶.

Критики Поланьи в качестве доказательства наличия рыночных отношений в традиционном обществе указывают на большое количество рыночных трансакций. Дело, однако, в том, что для Поланьи важно было не их количество, а степень зависимости жизни людей, их быта, их отношений между собой, их морально-этических и религиозных ценностей от рыночных институтов. Кроме того, административно регулируемая нерыночная торговля все же, видимо, была достаточно типичным институтом добуржуазных обществ, хотя и не настолько универсальным, как полагал Карл Поланьи. Нельзя не заметить, что предложенная им концепция трех форм интеграции общества может быть очень продуктивной при исследовании некоторых современных форм торговли – прежде всего, в сфере теневой экономики.

Последней работой, которая, к сожалению, осталась незаконченной, была «Свобода в сложном (комплексном) обществе», где Поланьи с высоты прожитого хотел вернуться к вопросам, которые волновали его в начале творческого пути. Он не прекращал работать до самого последнего дня. Им был основан журнал «Существование», но выхода в свет его первого номера Карл Поланьи увидеть не успел.

Сегодня, в начале XXI века, в период очередного экономического кризиса, когда большинство политиков и экономистов приходят к выводу о необходимости ужесточения контроля финансовых рынков, идеи Карла Поланьи вновь звучат свежо и актуально.

⁵ Хилл П. Рынки как места торговли // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгрейта, П.Ньюмена (New Palgrave). М.: ИНФРА-М, 2004. С. 522.

⁶ Там же. С. 519.

О вере в экономический детерминизм⁷

Определение современной фазы нашей цивилизации

Историку не составляет никакого труда безошибочно определить станцию, на которую мы прибыли. Путешествие называется «Индустриальная цивилизация». Первая стадия нашего путешествия уже позади, и мы находимся на второй. Машинный век, или индустриальная цивилизация, начавшийся где-то в XVIII веке, все еще далек от своего завершения. Первая стадия этого периода имела много различных названий, таких как либеральный капитализм или рыночная экономика; название следующей фазы мы еще не можем точно определить. Самое главное – провести различие между *технологическим* аспектом, общим для машинного века, или индустриальной цивилизации в целом, и социологическим аспектом, отделяющим фазу, которая уже позади, от фазы, которая еще должна наступить.

Современные условия, в которых находится человек, можно описать очень простыми терминами. Индустриальная революция всего лишь 150 лет назад положила начало цивилизации технологического типа. Человечество может не завершить путешествия; машины способны уничтожить человека; никто не может до конца оценить, совместимы ли человек и машина в долговременной перспективе. Однако, поскольку индустриальная цивилизация не может исчезнуть и добровольно не исчезнет, задача ее адаптации к требованиям человеческого существования *должна* быть решена, иначе человечество исчезнет с лица Земли.

Таков взгляд на проблему с высоты птичьего полета, если формулировать ее в терминах здравого смысла. Первая фаза новой цивилизации уже позади. Она включала своеобразную социальную организацию, получившую название от своего главного института – рынка. Сегодня эта рыночная экономика исчезает в большей части стран мира. Но взгляд на человека и общество, являющийся ее наследством, остается и мешает нашим попыткам встроить машины в ткань стабильного человеческого существования.

Индустриальная цивилизация перемешала части бытия человека. Машины вторглись в интимное равновесие, которое было достигнуто между человеком, природой и работой. Независимо от того, были ли наши дальние предки существами, прыгавшими по деревьям или скакавшими в кустарниках, бесспорным является факт, что существование еще нескольких предыдущих поколений назад не было физически отделено от природы. Хотя проклятие Адама делало труд иногда очень утомительным, оно не угрожало свести наше время бодрствования к бессмысленным рывкам рядом с конвейерной лентой. Даже война при всех ее ужасах способствовала дальнейшему развитию продолжающейся жизни, а не была смертельной западней. Трудно сказать, можно ли такую цивилизацию успешно приспособить к изначально присущим человеку потребностям или человек должен погибнуть, пытаясь осуществить это.

Однако, как мы видели, современные условия, в которых находится человек, являются продуктом не технологического, а социального порядка. Дело в том, что основная трудность преодоления проблем индустриальной цивилизации коренится в интеллектуальном и эмоциональном наследии рыночной экономики, этой фазы машинной цивилизации XIX века, стремительно исчезающей на большей части планеты. Ее ядовитое наследие – вера в экономический детерминизм.

⁷ Karl Polanyi, «On Belief in Economic Determinism», *Sociological Review*, 1947, vol. 39, p. 96–102. Перевод публикуется по: «Великая трансформация» Карла Поланьи. Прошлое, настоящее, будущее / Под общей ред. Р. М.Нуреева. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 28–37.

Таким образом, наше положение является в высшей степени странным. В XIX веке на основе машинного производства возникла беспрецедентная форма социальной организации – рыночная экономика, которая оказалась не более чем эпизодом. Тем не менее опыт был столь болезненным, что наши современные понятия почти все без исключения связаны с этим периодом. По моему мнению, взгляды на человека и общество, порожденные XIX веком, были фантазмагорическими; они явились воплощением моральной травмы, столь же насильственной для умов и сердец, сколь сами машины оказались противоестественны природе. Эти взгляды были в целом основаны на вере, что человеческие побуждения могут классифицироваться как материальные и идеальные и что в повседневной жизни действия человека преимущественно согласуются с первыми.

Такое утверждение было, конечно, истинным в отношении рыночной экономики. *Но только в отношении такой экономики.* Если термин «экономический» используется в качестве синонима выражению «касающийся производства», тогда мы должны согласиться с тем, что не существует человеческих мотивов, которые по своей сути не были бы экономическими. И что касается так называемых экономических мотивов, следует отметить, что экономические системы обычно базируются не на них.

Это, возможно, звучит парадоксально. Тем не менее противоположный взгляд, как уже было сказано, просто отражал специфические условия, существовавшие в XIX веке.

Иллюзия экономических мотивов

Теперь перейдем к обсуждению экономической науки. При этом я ограничусь тем, что схематично очерчу контуры экономической системы XIX века, называемой рыночной экономикой. При такой системе мы не можем существовать иначе, как покупая товары на рынке на те доходы, которые мы получаем, продавая другие товары на рынке. Названия того или иного вида дохода зависят от того, что предлагается для продажи: рабочая сила (ее цена – заработная плата); пользование землей (ее цена – рента); капитал (его цена – процентная ставка); товар (доход – прибыль, получаемая от продажи товаров, цена которых выше цен товаров, необходимых для их производства, в результате чего создается доход *предпринимателя*). Таким образом, продажи производят доходы и все доходы извлекаются из продаж. В конце концов созданные в процессе производства за год продукты потребления распределяются между членами сообщества через доходы, которые последние заработали. Эта система работает до тех пор, пока у каждого члена сообщества имеются веские мотивы для получения доходов. Такие мотивы, собственно, существуют в данной системе: голод или страх голода тех, кто продает свою рабочую силу, и прибыль тех, кто получает ее от владения капиталом или землей либо получает прибыль от продажи других товаров. Грубо говоря, первый мотив присущ представителям наемного труда, другой – предпринимателям. Поскольку оба мотива гарантируют производство материальных благ, мы традиционно называем их экономическими мотивами.

Остановимся и рассмотрим более внимательно данный вопрос. Есть ли что-то действительно экономическое в этих мотивах в том смысле, в котором мы говорим о религиозных или эстетических мотивах, основанных на религиозном или эстетическом опыте? Есть ли что-нибудь в страхе голода или, поскольку это важно, в выигрыше от рискованных спекуляций, которые могут иметь свою привлекательность, но опять-таки эта привлекательность по сути своей не является экономической? Другими словами, связь между этими чувствами и производственной деятельностью не имеет ничего такого, что было бы присуще этим чувствам как таковым, а зависит от социальной организации. При рыночной организации, как мы видели, такая связь существует и очень конкретно: голод и выигрыш связаны посредством рыночной организации с производством. Это и объясняет то, почему мы называем эти мотивы экономическими. Но как насчет других социальных организаций, помимо рыночной экономики? Найдем ли мы там голод и выигрыш связанными с производственной деятельностью, без которой общество не может существовать? Ответ определенно будет «нет». Мы находим, как правило, что организация производства в обществе такова, что мотивы голода и выигрыша не привлекаются: действительно, там, где мотив голода связан с производственной деятельностью, мы обнаруживаем, что он соединен с другими сильными мотивами. Такое слияние мотивов представляет собой то, что мы имеем в виду, когда говорим о *социальных* мотивах, о тех побуждениях, которые заставляют нас вести себя в пределах общественных норм. В истории человеческой цивилизации невозможно найти человека, действия которого направлены были бы на обеспечение индивидуального интереса в получении материальных благ, а скорее всего столкнемся с тем, что его действия направлены на обеспечение его социального положения, его социальных притязаний, его социальных активов. Он ценит материальные блага преимущественно как средства для достижения этой цели. Экономика человека, как правило, отражает его социальные взаимоотношения. Кто-то из читателей, должно быть, недоумевает, из каких фактов я исхожу, делая такие утверждения.

Во-первых, в области первобытных экономик фундаментальное значение имеют результаты антропологических исследований. В связи с этим хотелось бы назвать два выдающихся имени – Бронислава Малиновского и Ричарда Турнвальда. Совместно с другими учеными они сделали фундаментальные открытия в исследовании производственной или экономической

системы в обществе. Миф об индивидуалистической психологии первобытного человека взлетел на воздух. Ни грубый эгоизм, ни склонность к бартеру или обмену ни тенденция добывать главным образом *для себя* — ничего этого не обнаружилось. Равным образом дискредитированным оказался и миф о коммунистической психологии «дикаря», о его предполагаемой малой способности понимать и ценить свой личный интерес и т. п. Истина состоит в том, что человек практически не изменился в ходе истории. Рассматривая институты не отдельно, а во взаимосвязи, мы обнаруживаем, что поведение человека вполне нам понятно. Тем не менее в основном производственная или экономическая система организована так, что участие в производстве ни для кого не является следствием боязни голода (или страха голода). Независимо от того, участвует человек или нет в производственных процессах сообщества, он всегда имеет свою долю в общих ресурсах пищи. Вот несколько примеров. При земельной системе крааль (*kraal-land system*) в племени каффирс «невозможно быть нищим: любой нуждающийся в помощи получает ее безоговорочно» [Mair L. P. 1934]. Член племени квакиутль также «никогда не подвергается риску остаться голодным» [Loeb E. M. 1936]. «В обществах, находящихся на грани выживания, никто не голодает» [Herskevits H.J. 1940]. Как правило, индивиду в первобытном обществе не угрожает голодная смерть, кроме тех случаев, когда сообщество в целом оказывается в трудном положении. Именно отсутствие угрозы индивидуального голода делает первобытное общество в каком-то смысле более гуманным по сравнению с обществом XIX века и в то же время менее экономическим. Это касается и стремления к личному выигрышу. Еще несколько цитат. «Характерной чертой первобытной экономики является отсутствие стремления получить прибыль в процессе производства и обмена» [Thurnwald R. 1932]. «Выгода, которая часто является стимулом труда в цивилизованных сообществах, никогда не выступает в качестве его мотива в условиях первобытного хозяйства» [Malinowski B. 1930]. «Нигде в избежавшем внешних влияний первобытном обществе мы не обнаруживаем труд, ассоциирующийся с идеей платы» [Lowie. ESSc, Vol. XIV].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.